

В Диссертационный совет 78.2.001.01,
созданный на базе Федерального
государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Российский государственный
университет правосудия»
г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Лаптева Дмитрия Борисовича «Акцессорные уголовно-правовые меры» на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности мер уголовно-правового характера, не обладающих негативными свойствами наказания, но имеющих достаточный предупредительный потенциал. Активные поиски в этом направлении законодателя привели к появлению в Уголовном кодексе разных по своей природе инструментов воздействия на лиц, совершивших запрещаемые им общественно опасные деяния. Они объединены довольно абстрактным и ничего не говорящим названием – «иные меры уголовно-правового характера». В связи с этим возникла настоятельная потребность всестороннего и глубокого по своим подходам исследования, которое бы позволило ответить на вопросы: составляют ли эти меры единую систему, либо это разрозненные разнохарактерные способы уголовно-правового воздействия; имеются ли общие для них свойства, позволяющие сравнить их с признаками наказания; каков характер их внутрисистемных связей и взаимодействий с институтом наказания; как они соотносятся с институтом уголовной ответственности? В целях поиска ответов на эти, а также на другие, не менее важные вопросы, касающиеся института иных мер уголовно-правового характера, диссертантом проведено основательное научное исследование.

Несомненным достоинством анализируемой нами научной работы является правильное определение точки опоры в подходе к природе рассматриваемых уголовно-правовых явлений. Они объединены достаточно оригинальным термином «Акцессорные уголовно-правовые меры». Дело не только в том, что найдено удачное наименование, но главное его достоинство заключается в том, что с его помощью определена позиция, сквозь призму которой диссертант рассматривает суть изучаемых явлений. Конечно же, анонсирование главного вывода диссертационного исследования в названии диссертации больше походит на научную гипотезу, но эта гипотеза нашла свое полное подтверждение.

Соискателю удалось преодолеть трудности выявления единой правовой природы норм соответствующего института, несмотря на то, что действующая редакция раздела VI УК РФ объединяет такие инструменты как конфискация имущества, судебный штраф и принудительные меры медицинского характера, имеющие между собой принципиальные отличия. Например, иные меры уголовно-правового характера могут относиться как к вменяемым, так и к лицам, не соответствующим требованиям субъекта преступления; могут применяться как за совершение преступления, так и в связи с совершением общественно опасного деяния, формально преступным не являющимся; могут относиться к формам реализации уголовной ответственности, а могут и не относиться и т.д. Соответственно, возникает закономерный вопрос о критериях систематизации рассматриваемых мер, и, как следствие, признания существования самостоятельного института иных мер уголовно-правового характера, отвечающего предлагаемым доктриной признакам.

Выбранная диссертантом тема является достаточно перспективной по причине принятия достаточно регулярных законодательных решений, направленных, в том числе, на регламентацию новых мер. В частности, судебный штраф нашел свое отражение в отечественном уголовном законодательстве относительно недавно, что само по себе означает наличие

потребности в развитии уголовно-правовых воззрений относительно его сущности и содержания.

При этом, представляется, что подобные нормы не последние. Верховный Суд Российской Федерации в очередном проекте федерального закона о введении категории уголовного проступка упоминает помимо судебного штрафа, общественные работы и ограниченно оплачиваемые работы как иные меры уголовно-правового характера (См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 года № 24 О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»). Данное обстоятельство очевидно требует «упреждающего» научного анализа.

Необходимой и достаточной следует признать **эмпирическую базу исследования**. Автор изучил судебную практику и провел социологическое исследование, которые рационально использовал в тексте работы. Отмеченное позволило сделать обоснованные и достоверные выводы.

Автору удалось разработать научно-аргументированную концепцию правового и индивидуального регулирования отношений в сфере регламентации и применения не входящих в объем уголовной ответственности принудительных мер, направленных на разрешение уголовно-правового конфликта, в полной мере отвечающую критериям **научной новизны**. В частности, диссертантом разработана теоретическая модель заключительного раздела Общей части УК РФ, которая охватывает весь комплекс иных (акцессорных) мер уголовно-правового характера, не входящих в объем уголовной ответственности в силу вариативного либо дополняющего характера, с учетом актуальных оригинальных предложений по совершенствованию каждой из них.

Структура работы представляется удачной. Автор справедливо уделил внимание историческому базису, предпосылкам появления иных мер

уголовно-правового характера, а также сравнительно-правовому аспекту, анализируя опыт зарубежных государств в части установления отличных от наказания форм воздействия на преступность. Соответствующая теоретическая платформа позволила диссертанту наиболее компетентно проводить анализ современного уголовного законодательства об иных мерах уголовно-правового характера.

Полагаю, что автору удалось решить ряд следующих важных теоретических проблем, связанных с тематикой диссертационного исследования:

1. Раскрыта правовая сущность иных мер уголовно-правового характера, которая находит свое отражение в следующих признаках. Рассматриваемые меры выступают базовыми средствами разрешения уголовно-правового конфликта (применяются в качестве первичных правовых последствий совершения общественно опасного деяния), не входят в содержание уголовной ответственности, обладают принудительным потенциалом, имеют некарательный характер (стр. 52).

2. Аргументирована необходимость конкретизация дефиниции «иные меры уголовно-правового характера» в «акцессорные уголовно-правовые меры» и дифференциации в уголовном законе акцессорных мер на «вариативные» и «дополнительные» меры в целях обеспечения соблюдения принципа определенности права при изложении соответствующих предписаний (стр. 51-53).

3. Предложено научно-обоснованное решение вопроса о соотношении таких категорий как «мера уголовно-правового воздействия», «мера уголовно-правового характера», «иная мера уголовно-правового характера», «уголовная ответственность» и др. (стр. 75-80).

4. Раскрыты предпосылки, индикаторы и критерии, определяющие социально-правовую обусловленность закрепления иных мер уголовно-правового характера в уголовном законодательстве (стр. 13 -15 автореферата, стр. 100).

5. Обосновано наличие системы иных мер уголовно-правового характера как предпосылки соответствия корреспондирующего института необходимым признакам. Доказано, что элементы рассматриваемой системы объединены на основе системообразующего признака: каждый элемент системы является утилитарной мерой уголовно-правового характера социально-компенсирующей направленности, не входящей в содержание уголовной ответственности (стр. 148 – 149).

6. Выработаны критерии оценки эффективности применения иных мер уголовно-правового характера (стр. 324).

7. Предложены варианты уголовно-правового воздействия на юридических лиц путем закрепления соответствующих положений в рамках института иных мер уголовно-правового характера (стр. 354) и др.

Автором достаточно квалифицировано анализируются как совпадающие, так и различающиеся подходы гражданского и уголовного права к институту конфискации имущества. В частности, раскрывая уголовно-правовую сущность конфискации, диссертант обоснованно указывает на то, что в отличие от наказания при конфискации имущества по уголовному делу нет такого признака как лишение или ограничение лица принадлежащих ему прав и свобод, поскольку конфискация имущества распространяется на такие виды имущества, которое приобретено незаконно, а значит, на них не распространяется юридический режим, присущий праву собственности, либо хотя и принадлежат лицу на законном основании, но используются им в противоправных целях, а значит, защита права собственности становится невозможной на основании ст. 10 ГК РФ. Вместе с тем этот тезис следует дополнительно разъяснить, применительно к ситуациям нахождения конфискуемого имущества у третьих лиц, которые не знали, но должны были знать о незаконном его происхождении.

Кроме того, нуждается в дополнительном разъяснении суть утверждения автора о том, что «до момента признания лица виновным в совершении преступления изъятие имущества в доход государства

представляется неправильным». Дело в том, что имущество может быть конфисковано в порядке гражданского судопроизводства без приговора по уголовному делу, например в порядке, регламентированном в законодательстве о контроле за расходами некоторой категории государственных служащих. Например, в соответствии со ст. 17 ФЗ от 3 декабря 2012 г. N 230-ФЗ "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" (с изменениями и дополнениями) Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры в течение четырех месяцев со дня получения материалов о том, что в ходе осуществления контроля за расходами государственного служащего, а также за расходами его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей выявлены обстоятельства, свидетельствующие о несоответствии расходов данного лица, а также расходов его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей их общему доходу, обращаются в суд с заявлением об обращении такого имущества в доход Российской Федерации. Эта процедура регламентирована гражданско-процессуальным кодексом вне связи с каким-либо уголовным делом.

Возникает вопрос о том, подлежит ли такое имущество повторной конфискации по приговору суда (или применения иного режима конфискации), если впоследствии выяснится, что речь идет не просто о пресыщении расходов по сравнению с легальными доходами должностного лица, но, кроме того, в процессе расследования будет доказано, что оно приобретено преступным путем?

Спорным представляется вывод, согласно которому принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества не является формой реализации уголовной ответственности (с. 43). Для такого категоричного вывода требуются более основательные аргументы, чем те, которые приводит соискатель. Недостаточная аргументированность данного тезиса ставит под

сомнение качество системы иных (аксессуарных) мер уголовно-правового характера, которую сформулировал диссертант (с. 148).

Интересным представляется анализ автором иных мер уголовно-правового характера с позиции отсутствия или наличия у них функции общей и частной превенции. Увлечшись доказыванием несовпадения таких мер по основным, сущностным признакам с наказанием (с этим тезисом можно согласиться), диссертант, на наш взгляд, несколько преувеличил их различие.

Возражая авторам, предлагающим закрепить в качестве цели конфискации общее предупреждение совершения новых преступлений, соискатель отмечает, что в отличии от наказания конфискация имущества не преследует такой цели («скорее, нет, - пишет автор»).

Во-первых, для такого утверждения было бы неплохо привести результаты изучения воздействия конфискации на поведение неопределенного круга лиц, а поскольку этого нет, вряд ли обоснованно отвергать возможность влияния фактов конфискации имущества у одних лиц, на поведение других.

Во-вторых, даже если функция общей превенции у конфискации все же есть, это не превращает ее в наказание, поэтому признание такой функции у конфискации не разрушило бы общую авторскую концепцию. Тем более, что диссертант делает исключение для частной превенции ее он признает, с чем вполне можно согласиться.

Далее, на с. 236 автор пишет, что «целевое назначение конфискации представляет реституция как возврат денег, ценностей или иного имущества, которое было получено преступным путем, либо доходов от него, и элиминация как исключение владения орудиями, оборудованием или средствами совершения преступления, либо имуществом, предназначенным для обеспечения различных видов организованной преступной деятельности».

Вторая цель при указанных автором обстоятельствах – бесспорна, но не совсем ясно, как достигается первая из перечисленных им целей – реституция, которая предполагает возврат сторонами, заключившими сделку, всего

полученного ими по сделке в случае признания ее недействительной? Согласно действующему законодательству в случае признания сделки недействительной, каждая из сторон возвращает другой все полученное по сделке (двойная реституция), а при односторонней реституции возврат происходит только в пользу потерпевшей стороны. Если ущерб причинен потерпевшему, такое имущество, как известно, не конфискуется, а возвращается ему. В связи с этим желательно разъяснить позицию автора относительно функции реституции.

Необходимо отметить верную позицию автора относительно точности формулировок. Диссертант хорошо чувствует смену содержания термина при малейшем изменении оттенка суждения. Например, «принудительные» или «недобровольные» – на первый взгляд вроде бы одно и то же, но автор находит отличия и с этим можно согласиться: «принудительные работы», «принудительные меры воспитательного воздействия» использованы в уголовном законе корректно; тогда как принудительные меры медицинского характера вышеуказанным содержанием обладают не в полной мере, поскольку речь идет о недобровольном лечении, проводимом без получения информированного добровольного согласия, то есть, в данном случае игнорируется волеизъявление лица, подлежащего лечению.

Вместе с тем отнесение диссертантом принудительных мер медицинского характера к числу аксессуарных мер уголовно-правового характера, по сути, подвергает защищаемую диссертантом теорию испытанию на прочность. Автор пишет, что отнесение принудительных медицинских мер к аксессуарным мерам уголовно-правового характера обусловлено, в том числе, отсутствием (полным или частичным) признаков уголовно-правовой деликтоспособности у лиц, страдающих психическими расстройствами и совершивших общественно опасные деяния; применение наказания к таким лицам невозможно, они нуждаются в лечении». Действительно, в случае частичного дефекта деликтоспособности, связь с уголовной ответственностью остается. Такие меры можно признать

акцессорными, то есть дополнительными. Однако в случае, если общественно опасное деяние совершено невменяемым, никакой связи с уголовной ответственностью нет (и автор это, конечно же, подтверждает). Но при этом варианте возникает вопрос наличия «акцессорности», то есть дополнительности по отношению к ресурсу уголовно-правового воздействия, связанного с уголовной ответственностью. В чем здесь проявляется дополнительность?

Некоторую ясность вносит суждение автора о том, что иные меры уголовно-правового характера могут быть как дополнительными к уголовной ответственности, так и альтернативными к уголовной ответственности (в качестве вариативной формы уголовно-правового воздействия). Это суждение касается судебного штрафа (с. 26). На следующей странице автор уточняет: утверждать, что «такая мера как судебный штраф выступает альтернативой именно наказанию, будет не совсем точным, поскольку в случае ее не реализации и продолжения уголовного преследования исход дела может заключаться в вынесении обвинительного приговора и без назначения наказания» (с. 27).

Таким образом, автор допускает не только акцессорность, но и альтернативность рассматриваемых уголовно-правовых мер в целом. Получается, что прилагательное «акцессорные» не полностью охватывает всю систему иных мер уголовно-правового характера. Или же акцессорность останется и у принудительных мер медицинского характера, применяемых к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости?

Вынесенные на защиту положения надежно подкреплены аргументами, содержащимися в тексте диссертационного исследования. Большинство выводов автора вполне можно поддержать. Вместе с тем по некоторым из таких положений есть вопросы и замечания.

В третьем положении, выносимом на защиту, диссертант определяет, что вариативными являются меры реального либо потенциального

государственного принуждения, исключаящие реализацию уголовной ответственности, и применяемые в связи с совершением общественно опасного деяния, а также предлагает круг соответствующих мер. Между тем под такое определение могут попасть и отдельные виды освобождения от уголовной ответственности. Данное определение, например, может охватывать и освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба, предусмотренное ст. 76.1 УК РФ, поскольку в данном случае принудительный потенциал реализации меры направлен на обеспечение полного возмещения ущерба, причиненного гражданину, организации или государству в результате совершения преступления. Однако, данная мера не рассматривается диссертантом как вариативная, что требует от автора дополнительных пояснений при устной защите работы.

В положении под номером пять диссертант предлагает алгоритм правоприменительной деятельности, который позволяет в отсутствие оснований для освобождения лица от уголовной ответственности применить акцессорную вариативную меру. при условии соответствия специфики деяния и лица, его совершившего, установленным требованиям. Автор пишет, что привлечение лица к уголовной ответственности допустимо только в случае признания невозможности достижения целей уголовно-правового воздействия путем применения акцессорных вариативных мер с приведением мотивов принятого решения.

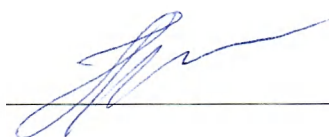
Представляется, что такое предложение не совсем корректно при совершении деяния лицом, не отвечающего требованиям субъекта преступления, поскольку в таких случаях привлечение к уголовной ответственности лица в принципе не допустимо. Соответственно, предлагаемый алгоритм правоприменительной деятельности не универсален и диссертанту следовало бы обозначить должным образом исключения.

Указанные выше замечания носят частный, во многом дискуссионный характер и не влияют на общую положительную оценку работы.

Изложенное позволяет сделать вывод, что диссертации на тему «Акцессорные уголовно-правовые меры», представленная Лаптевым Дмитрием Борисовичем на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), является самостоятельной научно-квалифицированной работой, по содержанию и форме соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание степени доктора юридических наук, предусмотренным пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор – Лаптев Дмитрий Борисович заслуживает присвоения искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Официальный оппонент:

Доктор юридических наук, профессор,
Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук
защита по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно исполнительное право (юридические науки), профессор кафедры
уголовного права,
Профессор кафедры уголовного права
ФГАОУ ВО "Московский государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)", 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
E-mail: msal@msal.ru, Web-сайт организации: <https://msal.ru/>
Телефон: +7 499 244 88 88

/ Пикуров Николай Иванович

ПОДПИСЬ

3 А В Е Р Я Ю

Начальник отдела

Управления кадров Л.Б. Красильникова

№ 03 2021

Пикуров Н.И.

Крас

